

В честь юбилея Елены Константиновны Ромодановской

Я познакомился с Еленой Константиновной Ромодановской в 1965 г., в год своего переезда в Академгородок. Она к тому времени уже закончила филологический факультет Ленинградского университета, работала в Томском университете библиотекарем, успешно описывала тамошние древние рукописи, завершала ленинградскую аспирантуру. Летом 1965 г. она вместе с Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексеевым положила почин археографическим экспедициям из новосибирского Академгородка. Эта первая поездка оказалась весьма успешной: среди нескольких десятков привезенных книг была и рукопись XVI в. необычной редакции «Просветителя» известного полемиста Иосифа Волоцкого. А на следующий год начались и мои с З.В. Бородиной экспедиции; постепенно расширялось то дело, которое позднее академики А.М. Панченко и Д.С. Лихачев назовут «археографическим открытием Сибири». Новосибирской группе археографов очень повезло: мы смогли использовать традиции и школу главных центров подготовки древников: учителями Елены Константиновны были филологи И.П. Еремин, Л.А. Дмитриев, В.Н. Мальшев, моими — историки М.Н. Тихомиров, Н.Л. Рубинштейн, археограф М.В. Щепкина.

Этим сразу же определился первый принцип нашей работы в Академгородке: изучение древней книжности совместными усилиями историков и филологов, недаром это когда-то была единая наука. В созданном нами секторе с самого начала и до сего дня — ученые обеих этих дисциплин, и недаром директор Института филологии Е.К. Ромодановская по самой сути ее научной деятельности всегда являлась членом сектора археографии и источниковедения Института истории. Второй принятый нами в 1960-х гг. принцип: не замыкаться только на региональной тематике, обязательно исследовать общерусские процессы и их влияние на Урал и Сибирь, а также уметь ставить на сибирских темах проблемы литературы, культу-

ры, общественного сознания всей нашей страны.

Соответственно с самого начала Елена Константиновна целенаправленно и успешно делила сферу своих интересов: с одной стороны, сибирское летописание, литературное творчество тобольских архиереев, сибирские повести и сказания о местных святых, иконах, городах, а с другой — такие явления общерусской литературы, как возникновение беллетристики, театральной драматургии, повестей о «гордых царях», издревле привлекавших внимание анонимных авторов памятников мировой и отечественной литературы.

Не раз эти две линии закономерно и причудливо переплетались в жизни и трудах Елены Константиновны. Только один любопытный пример. В 1972 г. она принимает активное участие в авторитетном московском издании первых пьес русского театра, подготовив комментированный текст одной из первых таких пьес — «Иудифи». Как известно, отечественный «высокий» театр начинался с постановок на библейские сюжеты. А в 1994 г. она издает опись 1625 г. имущества тобольского архиепископа Киприана (Старорусенкова), и среди прочего здесь упоминается реквизит к известному «пещному действию» — церковной постановке о трех отроках в печи вавилонской: «Пещь на восемь звен и з дверми, в высоту полтретья аршина... шапки халдейские по чину и пальмы».

В аспирантуре Елена Константиновна берет региональную тему, ее книга об истоках русской сибирской литературы выходит в 1973 г. Позднее публикуются другие ее книги о сибирском литературном процессе: «Литературные памятники Тобольского архиерейского дома» XVII в. (в соавторстве) (2001), «Сибирь и литература. XVII в.» (2002). И весьма поучительно, что как сибиреведческие, так и общерусские исследования основаны на кропотливых поисках в рукописных отделах библиотек и музеев. Одна из самых важных находок здесь лишь на первый взгляд представляется плодом архивного счастья,

«фарта». Этим важным для всякого исследователя памятников древности условием научной работы вполне была наделена и Елена Константиновна, но хорошо известно, что подобная удача является всегда плодом кропотливейшего труда, многих дней поисков. Речь идет о находке «Синодика Ермаковым казакам», основанного на воспоминаниях сподвижников Ермака, собранных по инициативе того же архиепископа Киприана (кстати, к делам этого мудрого и бесстрашно-го деятеля Церкви Елена Константиновна будет обращаться не раз).

Весьма заметное (а быть может, и наиболее заметное место) в научном творчестве Елены Константиновны занимают памятники и сюжеты общерусской и мировой литературы. Еще задолго до того, как она обратилась в 1995 г. к трудоемкому делу сбора материалов для словаря сюжетов и мотивов русской литературы, ее внимание привлекли три весьма популярных и в славянской, и в мировой литературе памятника: «Фацеции», «Великое зеркало» и, в первую очередь, «Римские деяния» («Gesta romanorum»). Этим последним исследовательница посвятила 30 лет упорной работы, постоянно возвращаясь к важной теме на базе все новых текстов, рукописей, концепций. Короткие бытовые рассказы («приклады») пользовались широкой известностью в мировой литературе. Очень быстро терявшие на Руси свои нравоучительные заключения («выклады»), эти «приклады» превращались в увлекательные повествования, интересные именно своей занимательностью, а не исторической достоверностью. Для Елены Константиновны они были важным подходом к той проблеме, которой она особенно увлекалась в последние годы. Это тема происхождения русской беллетристики, нового явления, возникающего из разных жанров древней литературы — от тех же «прикладов» до притчи и документального памятника.

Краткие занимательные рассказы «Римских деяний» привлекали внимание исследовательницы и еще одним ценным качеством: проникая из западноевропейской в русскую книжность преимущественно в польской обработке, они служат хорошим материалом для анализа путей и методов русификации, изучения связи славянских литератур. Очень интересно и то, как постепенно эти сюжеты

становятся объектом обработки русских народных писателей, таких как известный народный книжник XIX в. И.С. Мяндин, создавший три редакции «Повести о гордом царе Аггее».

Но, конечно, столь разносторонний анализ, восходящий к самым кардинальным проблемам литературоведения, может быть успешным лишь при одном неперемennom условии: накоплении предельно возможной источниковой базы и четкой научной классификации разнородного материала. В итоговой монографии Е.К. Ромодановской «Римские деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации» (2009), получившей высокую премию имени Д.С. Лихачева, собрана наиболее представительная на сегодняшний день источниковая база: 105 манускриптов одних только «Римских деяний», разделенных исследовательницей на 13 редакций с 6 вариантами. Обязательный и следующий этап: вдумчивое сопоставление и анализ всего накопленного массива фактов, рукописных, печатных и фольклорных источников. Иной подход приводит сегодня к созданию многочисленных «эпохальных» теорий, не имеющих никакой научной ценности.

И еще одна важная черта исследовательского метода Елены Константиновны, становящаяся все более редкой в наши дни: подчеркнутое уважение к своим предшественникам, обращавшимся к той же теме. А ведь три указанных выше сборника, понятное дело, привлекали внимание многих ученых — от А.Н. Пыпина и Ф.И. Буслаева до Э. Малэк и Л.В. Соколовой. И это не сделанный скороговоркой перечень фамилий исследователей, а подробное, полноценное внимание к их трудам. Так, Е.К. Ромодановская принимает к рассмотрению создававшиеся учеными различные схемы текстологического соотношения многочисленных рукописей «Gesta romanorum» между собой и с другими сборниками «прикладов» и обосновывает свой подход к проблеме.

В кратком сообщении невозможно перечислить все научные темы и направления деятельности неутомимой Елены Константиновны. Она была человеком талантливым, трудолюбивым, целеустремленным, упорным и стойким. Именно в этом объяснение ее впечатляющих успехов в филологическо-исторической науке.